

дов. «В богатой событиями истории Киева ярчайшими страницами были и остаются дела многочисленных поколений киевлян во имя торжества одного из благороднейших и самых высоких идеалов человеческой жизни — настоящей дружбы народов»⁷⁸.

⁷⁸ Комунист України. Київ, 1982, № 5, с. 18.

А. В. Чернецов

ПОЛЕВЫЕ МЕТЫ КРЕСТЬЯН ПОДМОСКОВЬЯ В НАЧАЛЕ XX В.*

Традиции использования русскими, как и другими народами, разного рода знаков, в том числе связанных со счетом, мерами и весами¹, календарем², метанием жребия³, гаданиями и суеверными обрядами⁴, уходят корнями в глубокую древность. Много различных условных значков (в том числе своеобразные «корректирующие знаки») встречается в древнерусских рукописях. Фигуры, по облику аналогичные знакам (иногда буквообразные), встречаются в иконописи и фресковой живописи в роли декоративных элементов⁶ (от орнамента они отличаются тем, что не подчиняются законам симметрии).

Традиционным русским знакам собственности посвящена значительная литература⁷. Историческое значение этих знаков велико для изучения не только обычного права, но и для ряда специальных проблем. В частности, весьма интересным представляется параллельное изучение знаков и их элементов, с одной стороны, и элементов народных орнаментов — с другой⁸. Иной важный аспект исследования знаков — изучение лексики, используемой для «наречения» знаков и их частей⁹. Параллельное изучение названий графических элементов знаков и ор-

* Полевые меты собраны П. М. Смирновым в Рузском районе.

¹ *Богданов Вл.* Русская бирка и древнейшие элементы бирки у ее европейских сородичей. — Этнографическое обозрение (далее ЭО). М., 1916, № 1—2.

² *Срезневский В. И.* Северный резной календарь. Спб., 1874; *Лебедева А. А.* Русский деревянный календарь Сибири. Этнографический сборник Бурятского комплексного НИИ. Улан-Удэ, 1962.

³ *Соловьев Е. Т.* О тамгах или знаках собственности на некоторых предметах быта. Казань, 1885, с. 140—142 (раздел: Употребление знаков собственности при жребии во время раздела наследства); *Золотарев Д.* Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919—1925). — Материалы по этнографии. Т. III. Л., 1926, с. 153, рис. 9, 5.

⁴ *Чернецов А. В.* Об одном рисунке Радзивилловской летописи. — Сов. археология, 1977, № 4.

⁵ *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. М., 1979, с. 224, 233, 245, 246.

⁶ *Чернышев Н. М.* Искусство фрески в древней Руси. М., 1954, с. 74, рис. 2; *Антонова В. И., Мнева Н. Е.* Государственная Третьяковская галерея. Каталог древнерусской живописи. Т. II. М., 1963, табл. 78, 79; *Попов Г. В.* Шрифтовый декор росписи Михайло-архангельского собора в Старице. — Древнерусское искусство. Монументальная живопись XI—XVII вв. М., 1980.

⁷ *Иванов П. И.* О знаках, заменявших подписи в древней России. — Известия археологического общества. Т. 2, в. 2. Спб., 1861; *Ефименко П.* Юридические знаки. Опыты исследований по обычному праву. — Журнал Министерства народного просвещения, 1874, ч. СХХVI; *Соловьев Е. Т.* Указ. раб.; *Костоловский И. В.* Заветные знаки и слова на предметы собственности (Из Еремеевской волости Рыбинского уезда). — ЭО, 1902, № 4; *Клетнова Е. Н.* Записи о метках и знаках собственности Вяземского уезда. — ЭО, 1916, № 1—2; *Лихачев Н. П.* Материалы для истории византийской и русской сфрагистики. В. 2. — Труды Музея палеографии. Т. 2. Л., 1930, с. 46—269; *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. — Сов. археология, 1940, № VI; *Анпилогов Г. Н.* Бортные знамена как исторический источник. — Сов. археология, 1964, № 4; *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия. — Свод археологических источников. Е1—55. М., 1968, с. 31, рис. 22.

⁸ *Пожидаев В. П.* Кабардино-черкесская тамга и кавказский орнамент. — Уч. зап. Кабардинского НИИ. Т. 4. Нальчик, 1948.

⁹ *Коткова Н. С.* Названия русских бортных знамен — историко-лингвистический источник. — Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963.

наментов может способствовать более полному раскрытию смыслового содержания тех и других.

Наиболее значительные серии русских знаков собственности составляют древнерусские княжеские знаки и так называемые «бортные знамена». Этнографические материалы по крестьянским знакам также значительны и представлены в основном таблицами с изображениями знаков, употреблявшихся в пределах довольно обширной территории. При этом знаки, собранные в центре России, в Подмосковье, относительно немногочисленны¹⁰. Предлагаемая публикация пополняет эти данные довольно большой серией знаков, собранных в ряде деревень бывшего Ружского уезда.

Помещенные в статье знаки были собраны в начале 20-х годов агрономом П. М. Смирновым. Он происходил из крестьян дер. Старое Ружское уезда, но долгое время жил на Урале. В 1918—1919 гг. Смирнов вернулся в родную деревню и получил надел. При этом ему был задан вопрос, как он думает пометить полосы надела. П. М. Смирнов сказал, что предполагает пометить их первой буквой фамилии. Это вызвало возражение жителей деревни (в основном женщин): ему сказали, что метить надел нужно родовым (очевидно, семейным) знаком, и сообщили, что его знак — «костыль» (к сожалению, рисунка этого знака в таблице нет).

В дальнейшем, уже работая агрономом, П. М. Смирнов обращал внимание на крестьянские знаки, собирал их в компактной группе деревень на территории Хотевцовской и Ащеринской волостей; в 1923 г. он свел их в таблицу и послал на Сельскохозяйственную выставку, где ее выставили в отделе народного быта. Таблица была удостоена диплома выставки, заведующий отделом этнограф Д. Т. Янович показал знаки, собранные Смирновым, Д. Н. Анучину, отметившему их важность.

В настоящее время сохранились лишь фотографии таблицы и краткие сведения об участии П. М. Смирнова в этой выставке. Фотография была любезно предоставлена автору данной работы М. С. Эдельштейн, у которой хранится архив П. М. Смирнова. Она же сообщила, что, по словам П. М. Смирнова, полевые меты вычерчивались на земле пятой косы или вырубались топором на расположенном поблизости пне.

Полевые меты упоминаются в литературе, хотя и не столь часто, как знаки, которыми помечались бортные и иные лесные уголья. Вот что пишет о них Е. Т. Соловьев: «Самая разбросанность полос ведет к тому, чтобы их пометить, а то иначе свою полосу можно смешать с чужой и сделать неумышленный захват. Поэтому пометка знаков собственности на полях является крайне необходимою, и каждый крестьянин выделяет их на всех принадлежащих ему полосах сохой или изображает знак на колышке. Знак этот изображается при конце полосы, имеющей ширину в 2 сажени в расстоянии от нее 1 аршина». И далее о тех же знаках: «Знаки собственности, наносимые на полях, в значительном большинстве те же, что мы видим на описанных (других, например бытовых. — А. Ч.) предметах»¹¹.

Из материалов П. М. Смирнова узнаем, что знаки устанавливались и иным способом. Важен также факт сохранения традиций употребления подобных мет до сравнительно недавнего времени и приверженность крестьян именно к знакам, а не к буквенным метам (впрочем, среди собранных П. М. Смирновым есть и такие — бесспорно № 85; вероятно, также № 20, 22, 26, 29, 30, 37, 41, 70, 78, 81). Большим достоинством таблицы в отличие от публикаций других авторов является то, что в ней фиксированы меты отдельно по деревням. Это конкретизирует представления об употреблении и распространении знаков.

В литературе неоднократно указывалось, что при разделе семей или при переходе имущества от отца к сыну знак собственности нередко

¹⁰ В наиболее крупной сводке Е. Т. Соловьева (Указ. раб., с. 99, № 425—459 на таблицах) знаки из центральной России немногочисленны; по Московской губернии собрано всего 35 знаков. П. М. Смирновым собрано 98 знаков.

¹¹ Соловьев Е. Т. Указ. раб., с. 179, 180.

дер. Захряпино	дер. Оселье	дер. Козлово	дер. Шульгино
1	20	47	76
2	21	48	77
3	22	49	78
4	23	50	79
5	24	51	80
6	25	52	81
7	26	53	82
8	27	54	83
9	28	55	84
10	29	56	85
11	30	57	дер. Токарево
12	31	58	86
13	32	59	87
дер. Вараксина	33	60	88
14	34	61	89
15	35	62	90
16	36	63	91
17	37	64	92
18	дер. Солодово	65	дер. Курово
19	38	66	93
	39	67	94
	40	68	95
	41	дер. Чернево	96
	42	69	74
	43	70	75
	44	71	
	45	72	
	46	73	

Полевые меты, собранные П. М. Смирновым в Рuzском районе Московской области

претерпевал изменения; сохранялся основной контур старого знака, а видоизменялась какая-нибудь несущественная деталь или добавлялся небольшой дополнительный элемент. В частности, Е. Т. Соловьев пишет: «При разделе дворов отделившаяся семья к своему родовому знаку прибавляет какой-нибудь особый знак для отличия от родового знака, который остается в семье, живущей на старом дворе»¹². Однако, сообщая о существовании подобной традиции у русских крестьян, исследователи не приводили конкретных примеров. Подобного развития знаков не зарегистрировано. Имеются лишь предположительные построения исследователей на эту тему, в частности попытки атрибутировать княжеские знаки на основе их типологии¹³. Между тем фиксация таких изменений могла бы представить значительный интерес, в частности пролить свет на вопрос, насколько закономерной была такая эволюция, какие части знаков рассматривать как основные и какие как второстепенные (этот вопрос немаловажен и для изучения идеологических представлений, связываемых со знаками собственности).

Материал, собранный П. М. Смирновым, дает основания предполагать следующие возможные пути развития знаков: 1) рядом с основным знаком или внутри него помещается дополнительно отдельный элемент в виде точки (№ 13, 38, 60, 62, 67, 68), черты (№ 7, 29, 85, 92) или креста (№ 66); 2) исходный знак развивается посредством «удвоения» (№ 16, 25, 40, 67, 75). Нередко в одной деревне бытовали знаки, часть

¹² Там же, с. 183.

¹³ Рыбаков Б. А. Указ. раб.; Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. I. М., 1970, с. 141—146

которых возникала в результате развития других, образуя генетические цепочки. В этих знаках могла быть одна, две, три и т. д. черты (№ 15, 16, 17, 25, 40, 79, 83, 95, 96). От одной до трех черт встречается среди знаков дер. Вараксино; две и три черты — в дер. Шульгино, три и четыре — в дер. Курово. Можно также предположить, что некоторые знаки появились в результате видоизменения знака, напоминающего грабли или вилы с разным числом зубьев (№ 2, 12, 24, 36, 47, 63, 87). Очевидно, подобная эволюция знаков отражает родственные связи семей. Черты сходства могут быть выделены и у других знаков, но там, где нет столь ясной линии эволюции, говорить об общности происхождения знаков нет оснований. О ценности собранных П. М. Смирновым знаков говорил выше, однако следует отметить, что и его материалы не позволяют составить полного представления о механике развития знаков, что было бы возможно, если бы были отмечены родственные связи семей, использовавших собранные знаки. Однако следует указать, что развитие древнерусских княжеских знаков как будто показывает, что оно не подчинялось единообразной закономерной тенденции; наряду с развитием знаков посредством их усложнения существовало упрощение, распадение знаков — только так можно объяснить появление знаков в виде багра, исторически более поздних, чем древнейшие знаки в виде двузубца и трезубца¹⁴.

Очень интересен факт бытования почти одинаковых знаков (и даже целых групп знаков) в разных деревнях. Это, например, № 15 и 16 в дер. Вараксино и № 79 и 83 в дер. Шульгино; № 2 и 12 в дер. Захряпино и № 24 и 36 в дер. Оселье. Еще большее число совпадений единичных знаков (№ 14 и 97, № 16, 25, 40, 83; № 15, 79, 96; № 20, 74, 81; № 12, 24, 87; № 11, 43, 50, 82 и др.). Вероятно, подобное сходство в ряде случаев объяснялось родственными отношениями семей. Впрочем, чем элементарнее знаки, тем больше вероятность их автономного происхождения. Не вполне ясно, насколько существенным при различении знаков было представление о том, где у них находятся верх и низ. Расположение знаков на земле могло вести к тому, что знак опознавался только по рисунку, безотносительно к ориентировке. Действительно, среди древнерусских княжеских знаков преобладают трезубцы и двузубцы, у которых зубья направлены вверх, однако встречаются и такие, у которых зубья смотрят вниз¹⁵. Если считать одинаковыми все знаки, имеющие сходное начертание, не принимая во внимание, как они ориентированы, то число идентичных знаков, обнаруживающих значительную близость по начертанию, сильно возрастает (например, № 1, 14, 86, 97 и др.).

Группа знаков, собранных П. М. Смирновым, аналогична знакам, известным по другим источникам, где приводятся и их названия¹⁶. Так, знаки, подобные № 20, 60, 74, 81 известны как «колесо»¹⁷, подобные № 1, 14, 51, 86, 88, 97, — как «сорочья лапа»¹⁸, подобные № 2, 12, 24, 36, 47, 63, 87, — как «грабли»¹⁹, знаки, подобные № 22, 45, 56, — как «шелом»²⁰, знаки № 57, 70 — как «граница»²¹, знак № 9 назывался «коробей» или «клеткой»²², знак № 67 — «чеботки» или «сапожки»²³ и т. п. Однако известно, что названия сходных и аналогичных знаков часто варьировались и, наоборот, очень отличающиеся знаки могли носить сходное название. Поэтому отсутствие указания на названия знаков — существенное упущение П. М. Смирнова. Не зная крестьянских наименований данных конкретных знаков, нельзя судить о том, какая

¹⁴ Янин В. Л. Указ. раб., с. 137.

¹⁵ Там же, с. 273, 274, табл. 26; Рыбаков Б. А. Указ. раб., с. 239, рис. 33—36.

¹⁶ Соловьев Е. Т. Указ. раб., с. 66, 67; Коткова Н. С. Указ. раб., с. 132; Анпилов Г. Н. Указ. раб., с. 167, 168.

¹⁷ Анпилов Г. Н. Указ. раб., с. 158, рис. 2, № 94—97.

¹⁸ Там же, с. 162, рис. 5, № 319—324.

¹⁹ Там же, с. 158, рис. 2, № 84, 85.

²⁰ Там же, с. 162, рис. 5, № 261—269.

²¹ Там же, с. 163, рис. 6, № 377—384.

²² Там же, с. 161, рис. 4, № 236, 259.

²³ Там же, с. 161, рис. 4, № 256, 257.

часть из них имела образные названия и ассоциировалась с предметами окружающего мира (животные, орудия труда, предметы быта и др.) и какая носила формально-описательный характер (терминология типа «круг», «черта», «тен»). В заключение следует еще раз подчеркнуть, что при всех недочетах работы П. М. Смирнова как собирателя знаков, вполне простительных непрофессионалу, она является весомым дополнением к имеющимся сведениям о знаках собственности Центральной России.

В. П. Алексеев, У. Лафлин

МАТЕРИАЛЫ К АНТРОПОЛОГИИ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ АЛЯСКИ И АЛЕУТСКИХ ОСТРОВОВ.

I. Скелеты из ипиутакских погребений на мысе Крузенштерн *

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Исключительно плодотворные результаты раскопок, осуществленных на мысе Хоп Ф. Рейни и Х. Ларсеном¹, ввели в наши знания представление о ранее неизвестной палеоэскимосской культуре, получившей наименование ипиутакской и благодаря своему своеобразию на многие годы привлекая внимание всех исследователей далекого прошлого эскимосов². Богатый набор изделий из кости и разнообразные мотивы резьбы по кости,— пожалуй, самые яркие признаки инвентаря этой культуры. Ее наиболее вероятная датировка, основанная на сравнительно-типологических аналогиях с другими палеоэскимосскими культурами, — первые века н. э.³

Раскопки на мысе Хоп кроме археологического дали и многочисленный палеоантропологический материал, хранящийся в отделе антропологии Американского музея естественной истории в Нью-Йорке. В 1957—1958 гг. по приглашению американских коллег Г. Ф. Дебец изучил этот материал, но, к сожалению, исследование его не было закончено, и единственной печатной информацией о нем остается доклад, подготовленный к XXXIII конгрессу американистов⁴. Несколько дополнительных соображений, включенных в посмертно опубликованный текст работы о черепках из Эквенского и Уэленского могильников, повторяют сказанное в этом докладе⁵.

Неоценимым вкладом Г. Ф. Дебеца в изучение эскимосской палеоантропологии был показ того важного обстоятельства, что в отличие от сравнительно однородного палеоэскимосского морфологического комплекса носители ипиутакской культуры характеризовались рядом признаков, заставляющих думать о континентально-азиатских аналогиях и возможности генетических контактов с внутрисибирскими попу-

* В следующей статье авторы предполагают рассмотреть черепа из палеоалеутских погребений.

¹ *Larsen H., Rainey F.* Ipiutak and the Arctic whale hunting culture.— *Anthropological papers of the American Museum of Natural History*. N. Y., 1948, v. 42.

² См.: *Алексеев В. П.* Некоторые стороны общественной организации древних племен Чукотки и Аляски (по раскопкам в Ипиутаке).— *Записки Чукотского краеведческого музея*. Магадан, 1967, в. IV; *Bandi H.* Eskimo Prehistory. Seattle, 1969; *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М.: Наука, 1979.

³ См. об этом: *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. М.: Наука, 1975.

⁴ *Debetz G.* The Skeletal Remains of the Ipiutak Cemetery.— *Actas del XXXIII Congreso internacional de Americanistas*, San Jose, Costa Rica, 1959, t. II.

⁵ *Дебец Г. Ф.* Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Уэлен и Эквен.— В кн.: *Арутюнов С. А., Сергеев Д. А.* Проблемы этнической истории Берингоморья. Эквенский могильник. Здесь опубликованы некоторые дополнительные измерения ипиутакской серии.